

RU

Тема Арабского Востока в творчестве В. Соловьева,
Д. Мережковского, А. Белого и М. Волошина

Ибрагим Карван Хаджи Ибрагим, Акимова Т. И.

Аннотация. Цель исследования – выявить становление темы Арабского Востока в творчестве таких поэтов конца XIX – начала XX века, как В. Соловьев, Д. Мережковский, А. Белый и М. Волошин. Научная новизна проблемы определяется сопоставлением темы Арабского Востока в произведениях писателей разных поэтических «лагерей», что впервые позволяет рассмотреть не только зарождение этой темы в творчестве В. Соловьева, но и её развитие в поэзии символиста Д. Мережковского, младосимволиста А. Белого и представителя «внелитературных школ» М. Волошина. Полученные результаты показали, что отношение к этой теме у разных поэтов рубежа XIX–XX веков было схожим, обусловленным открытием образов Арабского Востока в творчестве В. Соловьева, из которого черпали источники авторы Серебряного века, сосредоточиваясь на одних и тех же образах, идеях, мотивах и развивая их в соответствии со своими художественными задачами. Так, положение Д. Мережковского как основоположника отечественного символизма повлияло на внимание к «Трём свиданиям» В. Соловьева со стороны других поэтов-современников, либо продолжающих, либо отрицающих символистский творческий метод. Наиболее узнаваемым образом Арабского Востока становится образ пустыни, которому посвящают одноименные стихотворения М. Волошин и А. Белый. И если первый мистифицирует сам образ пустыни, сосредоточиваясь на внешнем её преображении, то второй обращается к передаче состояния ожидания лирическим героем встречи с Премудростью Божией, проповедуемой В. Соловьевым.

EN

The theme of the Arab East in the works of V. Solovyov,
D. Merezhkovsky, A. Bely, and M. Voloshin

Ibrahim Karvan Haji Ibrahim, T. I. Akimova

Abstract. The aim of this research is to identify the emergence and development of the theme of the Arab East in the works of poets from the late 19th and early 20th centuries, such as V. Solovyov, D. Merezhkovsky, A. Bely, and M. Voloshin. The scientific novelty of the problem is determined by comparing the theme of the Arab East in the works of writers from different poetic "camps," which, for the first time, allows us to consider not only the origin of this theme in the work of V. Solovyov, but also its development in the poetry of the symbolist D. Merezhkovsky, the younger symbolist A. Bely, and the representative of "non-literary schools," M. Voloshin. The obtained results showed that the attitude towards this theme among different poets at the turn of the 19th and 20th centuries was similar, due to the discovery of images of the Arab East in the work of V. Solovyov, from whom Silver Age authors drew inspiration, focusing on the same images, ideas, motifs, and developing them in accordance with their artistic tasks. Thus, D. Merezhkovsky's position as the founder of Russian symbolism influenced the attention to V. Solovyov's "Three Encounters" by other contemporary poets, either continuing or rejecting the symbolist creative method. The most recognizable image of the Arab East becomes the image of the desert, to which M. Voloshin and A. Bely dedicate eponymous poems. And while the former mystifies the image of the desert itself, focusing on its external transformation, the latter turns to conveying the lyrical hero's state of anticipation of meeting with the Wisdom of God, preached by V. Solovyov.

Введение

Актуальность темы определяется необходимостью изучения проблемы восприятия поэтами Серебряного века образов Арабского Востока для понимания как различий художественных приемов авторов конца XIX –

начала XX века, так и общности представлений писателей об арабском ареале как необходимом условии развития межкультурного диалога, актуализируемого в наши дни. Русско-арабские литературные связи, благодаря работам Э. А. Али-Заде (2014) и Л. Г. Пановой (2006), безусловно, во многом привлекли к себе внимание. В то же время в творчестве практически каждого поэта Серебряного века были моменты обращения к арабской культуре, которые только получают в текущий период своё освещение.

Задачами исследования стали: 1) формирование темы Арабского Востока в творчестве В. Соловьёва, Д. Мережковского, М. Волошина и А. Белого; 2) выявление приёмов художественного изображения восточной тематики поэтами Серебряного века.

Материалом исследования явились собрания сочинений писателей:

- Белый А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб. – М.: Акад. Проект; Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 1.
- Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб.: Наука, 1995.
- Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 22.
- Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974.

Теоретическую базу составили работы авторов как известных монографий о русско-арабских связях (Али-Заде, 2014; Панова, 2006) и авторефератов диссертаций, посвященных теме Востока в литературе «рубежа веков» (Концова, 2003; Чач, 2012), так и статей, в которых затрагиваются проблемы обращения к теме Арабского Востока в творчестве русских писателей: В. Соловьёва (Коваленко, 2008; Усманов, 2001), Д. Мережковского (Океанский, Красильникова, 2011), А. Белого (Ельцова, 2020), М. Волошина (Курьянова, 2015; Шабашов, 2007).

В статье использованы следующие методы: сравнительно-исторический, благодаря которому осуществляется сопоставление произведений поэтов Серебряного века, посвященных теме Арабского Востока; биографический, с помощью которого пополняются сведения о личных контактах поэтов с представителями арабского ареала; культурно-исторический, позволяющий расширять сведения о литературных связях между русскими и арабскими поэтами; метод целостного анализа художественного текста, способствующий рассмотрению художественного произведения в совокупности жанрового и индивидуально-стилевого единства.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении русской литературы Серебряного века и, в частности, на спецкурсах и спецсеминарах по русско-арабским связям.

Обсуждение и результаты

Тема Востока – одна из значительных в русской литературе Серебряного века. С одной стороны, она явилась продолжением полемики славянофилов и западников, цементирующей всё развитие отечественной общественной мысли на протяжении XIX века, с другой – стала тем краеугольным камнем, на котором русские поэты-модернисты выстраивали здание новой поэзии, преображённой во многом благодаря философским, религиозным и стиховедческим исканиям авторов конца XIX – начала XX века.

Безусловно, центральной фигурой, скрепляющей двадцатое столетие в духовной преемственности веку девятнадцатому, выступает В. Соловьёв, во многом определивший отношение к Востоку новой генерации писателей, не только обратившихся к переводам арабо-персидских авторов, прежде всего Хафиза, но и открывших для себя реальные просторы восточного мира после многочисленных поездок в азиатско-африканские страны, в первую очередь в Египет, по примеру автора «Трёх свиданий».

Несмотря на то что образ Востока, созданный Соловьёвым, характеризуется противоречивостью, неустойчивостью и даже трагизмом исканий (Усманов, 2001), всё же именно этот писатель, по словам Л. Г. Пановой (2006), своей харизматической личностью и жизнетворчеством пробудил интерес поэтов Серебряного века к Египту, а за ним и ко всей арабской культуре.

Первые стихи, написанные В. Соловьёвым в Каире в 1875 году, направляют читателя к образам царицы и солнца как важнейшим проявлениям того мистического видения, которое автор опишет позднее в «Трёх свиданиях». Стилистика письма отсылает, как известно, к «Притчам Соломоновым» и формирует тот особый образный ряд, который заложит основу арабского культурного кода: с обязательным указанием на драгоценные камни, на благоухание цветов (роз и лилий), на образ весны и света, а затем к ним будет приложен образ пустыни. Впоследствии мотивы стихотворения «У царицы моей есть высокий дворец» (Соловьёв, 1974, с. 62) будут варьироваться в следующих соловьёвских произведениях («Нильская дельта», например) (Соловьёв, 1974, с. 122).

Важным этапом актуализации темы арабского Востока явились публицистические работы В. Соловьёва, в частности «Великий спор и христианская политика» (1883), в которой ставится проблема преодоления межнациональных распрей путём религиозного сближения. В этой связи Соловьёв определяет особое место России в дихотомии Запад-Восток как страны, примиряющей эти силы. При этом он подчёркивает, что для славянских народов, исповедовавших католицизм, в частности поляков, Русь всегда будет ассоциироваться с Востоком. Этот тезис критика и философа, а также развёртывание данного утверждения в последующих работах позволят писателям Серебряного века по-новому взглянуть как на арабскую литературу и культуру ислама в целом, так и на страны арабского мира (Ельцова, 2020).

Как известно, в 1885 году Соловьёв, находясь в имении Фета, переводит стихи Хафиза с немецкого источника 1880 года (в переложении Боденштедта), вводя читателя в атмосферу игривых взаимоотношений мужчины и женщины, чей портрет создаётся набором определённых черт: «сладкозвучные уста» (1974, с. 190), «тонкий стан», «благодатная улыбка» (1974, с. 191) – и приводит к мысли о быстротечности жизни.

В девяностые годы В. Соловьев пишет очерк о жизни Магомета, в котором повторяет некоторые мысли, высказанные ранее относительно влияния христианских ересей на создание магометанства, однако теперь автор уделяет внимание арабам как особому народу, восприимчивому именно к исламской религии (Соловьев, 1896). Он отмечает в арабах такие положительные качества, как «безграничная преданность в любви и дружбе, верность долгу» (Соловьев, 1974, с. 18), а также «страсть к смелым подвигам» (Соловьев, 1974, с. 18), что свидетельствует, по мысли писателя, о преобладании субъективной стороны духа над рационализмом западных народов, исповедующих католицизм. Помимо этого, Соловьев указывает на сосуществование в одном географическом пространстве двух религий: «При обострившейся внешней вражде с идолопоклонниками Мухаммед и его последователи, естественно, чувствовали себя солидарными со всеми монотеистами и в особенности с христианами, которых религия не была связана с национальностью» (1974, с. 46), – сближая при этом ислам и христианство в их функции объединения народов.

Таким образом, следует подчеркнуть в творчестве В. Соловьева три узловых момента, повлиявших на возникший интерес писателей Серебряного века к арабскому Востоку: 1) одним из первых совершает путешествие в Каир для мистического переживания, необходимого для обретения статуса нового поэта; 2) одним из первых описывает арабский пейзаж, который включает в себя двойное назначение: и элемент национальной культуры, и восприятие его российским модернистским сознанием; 3) одним из первых обращается к формированию биографического образа Магомета, тем самым создавая основание для христианско-исламского диалога.

Поэты Серебряного века во многом будут опираться на те положения, которые выдвинул в своих статьях В. Соловьев. В этом отношении важна роль Д. С. Мережковского как основоположника модернистского движения в России. Так, в начале своего творческого пути он не только становится тем, кто переходит из лагеря народников в религиозные философы, но и пытается испытать тот мистический опыт, который опишет в «Трёх свиданиях» его старший коллега: «Во время пребывания в Кутаиси в мае 1888 года Мережковский, подобно Соловьеву, также делает одиночную вылазку на место, располагающее к медитациям» (Зобнин, 2008, с. 63). И хотя духовное странничество войдёт в моду чуть позже, всё же именно ожидание Вечной жены станет определяющим в знакомстве главы петербургской школы поэзии с З. Гиппиус.

В этом же году Мережковский (1914, с. 30) пишет стихотворение «Восточный миф». В нём будут проступать всё те же элементы единого арабского культурного кода с образами жемчуга, пурпура и алмазов, восходящими не к индийской культуре, о которой идёт речь в стихотворении, а, скорее, к сказкам «Тысячи и одной ночи», хорошо известным начитанному ребёнку (Зобнин, 2008), впрочем, как и в поэме Т. Тассо, перевод отрывка которой будет выполнен чуть ранее, в 1883 году. В промежутке появится поэма под названием «Аллах и Демон (мусульманское предание)» (Мережковский, 1914, с. 173), что будет свидетельствовать о намеренном ученичестве Мережковского у Соловьева.

Таким же активным сторонником соловьевства предстанет младший коллега Мережковского по символизму А. Белый. Правда, его «мистические эксперименты» начинаются задолго до путешествия в Египет, которое он совершает в 1910 году, пытаясь преодолеть кризис внутри символизма, и египетские ощущения отражаются не в лирических произведениях, а в романе «Петербург». Осмысление исторической и культурной роли арабов и ислама произойдёт у Белого уже в 1920-е годы, когда писатель будет работать над большим трудом «История становления самосознающей души». Выводы, которые делает автор, поражают отходом Белого от соловьевства в сторону ориенталистского восприятия: «Культура арабов не оказалась культурой народов, но – культурой правителей; ее действия – быстрота и натиск; и оттого время ее действия лишь несколько столетий; но быт, ею созданный, и после нее оказывался культурой для отстающих народностей» (2020, с. 288). Итак, взгляд А. Белого на арабский ареал меняется в сторону западнической ориентации, оценивающей вклад того или иного народа с точки зрения идеи прогресса. Автор как будто забывает о значении религиозного основания, закреплённого за Египтом, для поиска веры российской интеллигенцией, которая осознала свой духовный кризис в восьмидесятые годы XIX века. Понимая условия изменения точки зрения А. Белого на религию в 20-е годы XX века в атеистической России, мы не можем не учитывать значительное влияние идей В. Соловьева на становление Бориса Бугаева-поэта, о чём он сам будет неоднократно свидетельствовать в своих автобиографических записках.

От Соловьева приобретает интерес к Востоку и другой поэт Серебряного века, не примкнувший ни к символистам, ни к акмеистам, – М. Волошин. Хотя в большей степени он путешествовал по странам Европы, всё же «арабский культурный код» высвечивается в его поэзии, прежде всего в таких стихотворениях, как «Портрет» (1903) и «Пустыня» (1901). В первом случае поэт прибегает к стилистике арабского Востока в рисовании образа женщины, сравниваемой с египетской царицей, во втором – воссоздаётся атмосфера религиозного скитальчества.

Сопоставим два стихотворения с одноимённым названием у М. Волошина и А. Белого со стихотворением В. Соловьева «Три свидания» с целью выявления преемственности и обнаружения единых мотивов в обоих произведениях и поэме российского философа.

Лирический герой Соловьева представлен в образе поющего музыканта, обращающегося к «вечной подруге» с «трепетным напевом» (1974, с. 125), чьё появление озаменовано «зовом души» (1974, с. 126). Женский образ изображается с «цветком нездешних стран» (Соловьев, 1974, с. 126), что отсылает к экзотическому топосу, лик героини выписан на фоне «золотистой лазури» (Соловьев, 1974, с. 126). В то же время «яркий блеск восточной пестроты» (Соловьев, 1974, с. 127) не может служить исходным местом для медитации лирического героя, поскольку перемещение души вызвано его интеллектуальной деятельностью, сопровождающейся изучением древнейших артефактов Британского Музея, в котором собраны самые большие коллекции экспонатов Древнего Востока, в первую очередь с земель, населённых арабами.

Явившийся женский образ, внушивший лирическому герою: «В Египте будь!» (Соловьев, 1974, с. 128), – отправляет его в пустыню Сахару для более длительной встречи, при которой возлюбленная предстанет в полном обличье. Арабский колорит описан у Соловьева образами бедуинов и шейхов, а также образом шакала в холодной звёздной ночи. Само видение рисуется пурпурными и лазурными красками, усиленными запахами и образами роз, а наступившая за этим тишина прерывается «благочестивым звоном» (Соловьев, 1974, с. 131), раздающимся в душе лирического героя. Воспоминание о видении превращается в «след розовой улыбки» (Соловьев, 1974, с. 131), которая противостоит «житейскому океану» (Соловьев, 1974, с. 131).

В произведении Соловьева наблюдается кольцевая композиция, построенная на завершении того напева, который исполняет лирический герой с самого начала. Она призвана подчеркнуть его мистическое путешествие, в котором происходит встреча с Божеством и преодоление «цепи времен» (Соловьев, 1974, с. 132). Таким образом, упоминания Нила и Каира выглядят здесь лишь условными географическими обозначениями, имеющими отношение к Египту современному, но не связанными с самим актом видения.

В отличие от поэмы В. Соловьева, исходной точкой мистического путешествия лирического героя М. Волошина является не Британский Музей, а Париж и Монмартр, за которыми открывается путь через океан к образу пустыни – центральному месту сказочного преображения. «Царевна в сказке», – так называет Волошин образ пустынной степи, с которой происходят мистические изменения: вначале она предстаёт обнажённой больной женщиной, находящейся в полубредовом состоянии, потом открываются «Галлюцинации Пустыни», являющие исторические дворцы и храмы, затем оборачивается жабой, скрывающейся от лучей солнца, наконец, в закатное время высвечивается красота степи, которая приходит в движение и вновь замирает в ночное время.

Следует отметить, что из восточного контекста в этом стихотворении упоминаются только верблюд и джюсан (польнь) как образы, создающие колорит пустыни. В остальном М. Волошин переинтерпретирует соловьевское видение, сосредоточиваясь не на внутренних изменениях, происходящих с лирическим героем, а на внешних преображениях самой пустыни, увиденных глазами путника. При упоминании тех же элементов стихотворного полотна: раскаленного солнца, неба, звёзд и пустыни – лирический герой Волошина тем не менее получает знания из миража, отводя мистике роль художественного приёма. Пустыня важна автору сама по себе, вне тех действий, которые совершает лирический герой.

В стихотворении А. Белого описывается состояние ожидания лирического героя после назначенного, но ещё не осуществленного свидания с Той, кто даёт понимание жизни и судьбы. Образ пустыни должен подчеркнуть одиночество человека, оказавшегося во власти Люцифера из-за удаления божественного видения. А. Белый рисует картину льда и снегов, возникших после ослабления «милого голоса», «невозвратного зова» (2006, с. 331). Опечаленное эмоциональное состояние лирического героя, признающего самому себе: «И я один в моей пустыне» (Белый, 2006, с. 331), – противостоит возникающей надежде в финале произведения. Признание: «Ты ждешь» (Белый, 2006, с. 334), – должно в конце концов стать ответным и привести к заветной встрече.

Подчеркнём, что образ пустыни в одноимённом стихотворении А. Белого максимально абстрагирован от любой конкретики и соотносится с реальным географическим регионом, поскольку задача автора – дать указание на мистическое свидание, описанное В. Соловьевым, и сконцентрироваться на изображении состояния лирического героя в период его ожидания «Той». Сравнение с «синим иноком», со «стрекозными четками» (Белый, 2006, с. 331) должно было, по всей видимости, создавать представление о начале духовного пути, который избрал лирический герой.

Таким образом, в художественных произведениях трех поэтов, запечатлевающих образ пустыни, воссоздается мистическое преображение лирического героя. В поэме В. Соловьева этот духовный путь прочерчивается от конкретной точки отсчета – Британского Музея – до пустыни Сахары, где и происходит заветная встреча с Божественной Мудростью, открывающей истинное предназначение и смысл существования. М. Волошин и А. Белый, отталкиваясь от этого творения В. Соловьева, углубляются в изображение пустыни, важной для демонстрации его художественного метода. Если Волошин сосредоточивается на картине мистического преображения самой пустыни, предстающей «сказочной царевной», то А. Белый рисует внутреннее переживание лирическим героем «своей пустыни» в условиях ночного бдения, холодного и печального.

Заключение

Значительной фигурой, открывшей последующим русским поэтам Арабский Восток, стал В. Соловьев, положивший начало русской религиозной философии и показавший современникам дорогу к духовному преображению через поездку в Каир, который и будет восприниматься как город, где берут начало все религии. Он же повлиял как на переводческий опыт арабо-персидской литературы, так и на формирование «арабского культурного кода» как собрания единого комплекса тем, мотивов и образов, используемых отечественными поэтами в своём творчестве (Акимов, Ибрагим, 2024).

Рассматривая соловьевскую традицию изображения арабского Востока в творчестве разных поэтов Серебряного века, можно сделать вывод об изменяющемся восприятии этого экзотического мира русскими писателями и проследить то общее, что их объединяет во взгляде на культуру арабов. Так, большая роль в распространении темы духовного преображения в определении писательской судьбы принадлежит Д. С. Мережковскому, ставшему не только главой петербургской школы, но и всего модернистского движения в России в целом. Его стихотворные опыты на тему арабских мотивов и попытка «мистического переживания в пустыне» окажут своё влияние на младших поэтов.

Следует отметить, что мистическое преображение у российских авторов порой не было связано напрямую с поездкой в Каир, для этого подходила любая пустынная местность, например, Грузии (Мережковский) или Узбекистана (Волошин) (Куприянов, 1978). Главное, что исходной точкой оставалось произведение В. Соловьева «Три-свидания», вобравшее узнаваемые поэтические символы: пустыня, царица, жемчуга, розы, холодная ночь, лазурь.

Эти образы по-разному отражаются в произведениях Д. Мережковского, А. Белого и М. Волошина, но у всех знаковым образом-символом станет пустыня как место мистического преображения. Именно здесь нагляднее всего будет совершаться борьба божественного с демоническим в произведениях Мережковского, здесь сама пустыня, в зависимости от времени суток, станет ареной всевозможных превращений в стихотворении М. Волошина, здесь будет описан мистический ужас от удаления Божественного видения в «Пустыне» А. Белого.

Подчеркнём, что все эти образы станут важны и для последующих поэтов Серебряного века, обратившихся к Арабскому Востоку в своих произведениях, – В. Брюсову, К. Бальмонту, М. Кузмину, И. Бунину, А. Блоку и Н. Гумилёву. Это указывает на перспективы дальнейшего исследования темы Арабского Востока в творчестве русских писателей конца XIX – начала XX в. и с точки зрения выявления общности тем, образов и мотивов, образующих «арабский культурный код», и с точки зрения определения различий в воплощении общей темы на уровне индивидуальных особенностей художественного метода.

Источники | References

1. Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И. «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилёва // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16. № 3 (71).
2. Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории литературных связей): в 2 кн. М., 2014. Кн. 1.
3. Белый А. История становления самосознающей души // Литературное наследство. М.: ИМЛИ, 2020. Т. 112. Кн. 1.
4. Ельцова Е. Н. Образ арабского Востока в путевой литературе Серебряного века // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2020. Т. 8. № 1 (15).
5. Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008.
6. Коваленко И. П. Оправдание мусульманства в философии Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. Иваново: Ивановский гос. энергетический университет, 2008. Вып. 17.
7. Концова Е. А. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе Серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2003.
8. Куприянов И. Т. Судьба поэта (личность и поэзия Максимилиана Волошина). К.: Наукова думка, 1978.
9. Курьянова И. А. Дихотомия Восток – Запад в творчестве крымского поэта Максимилиана Волошина // Ученые записки Крымского федерального университета. Философия, политология, культурология. 2015. Т. 1. № 3 (67).
10. Океанский О. П., Красильникова М. Ю. Типологические очертания проблематики «поворота на восток» в русской религиозно-философской литературе рубежа XIX-XX вв.: К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский // Теория и практика общественного развития. 2011. № 11.
11. Панова Л. Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина: в 2 кн. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. Кн. 1.
12. Соловьев В. С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1896.
13. Усманов С. М. Восток и Запад в итоговых размышлениях Вл. С. Соловьева // Соловьёвские исследования. Иваново: Ивановский гос. энергетический университет, 2001. Вып. 2.
14. Чач Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2012.
15. Шабашов Д. В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.

Информация об авторах | Author information

Ибрагим Карван Хаджи Ибрагим¹

Акимова Татьяна Ивановна², д. филол. н., доц.

^{1,2} Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск

Ibrahim Karvan Haji Ibrahim¹

Tatyana Ivanovna Akimova², Dr

^{1,2} Mordovian State University named after N. P. Ogaryov, Saransk

¹ khaji0033@gmail.com, ² akimova_ti@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.01.2025; опубликовано online (published online): 14.02.2025.

Ключевые слова (keywords): Арабский Восток; поэзия Серебряного века; творчество В. Соловьева, Д. Мережковского, А. Белого, М. Волошина; поэтика; русско-арабские связи; Arab East; poetry of the Silver Age; work of V. Solovyov, D. Merezhkovsky, A. Bely, M. Voloshin; poetics; Russian-Arab relations.